

Жизнь большинства людей — мертвая дорога и никуда не ведет. Но иные с самого детства знают, что идут они к неведомому морю. И они чувствуют веяние ветра, удивляясь его горечи, и вкус соли на своих губах, но еще не видят цели, пока не преодолеют последнюю дюну, а тогда перед ними раскинется беспредельная, клокочущая ширь и ударит им в лицо песок и пена морская. И что ж остается им? Ринуться в пучину или возвратиться вспять...

Глава первая

Дени Револю притворялся, будто он зубрит, готовит урок, а на самом деле прислушивался к шагам матери; ее длинный шлейф скользил по ковру с мягким и торжественным шелестом. Лицо ее приняло сугубо строгое выражение — благодаря прическе, которую ей всегда сооружал для балов мсье Тарди, парикмахер с бульвара Фоссе; точно такую же величавость она напускала на себя, позируя перед аппаратом фотографа. Седые с желтизной волосы, завитые щипцами парикмахера, были уложены в виде хрупкой башни, перевитой вуалеткой и увенчанной изумрудным полумесяцем. Роза, сестра Дени, тоже была уже причесана, но все еще расхаживала в пеньюаре: из мастерской Габриа не успели принести платье, в котором понадобилось кое-что подправить.

— Если через пять минут платья не доставят, я не знаю, что и делать, — сказала мадам Револю.

Дени не успел подавить смешок.

— Почему ты до сих пор не в постели, Дени?

— Жду платья, — ответил он.

Лампа на высокой подставке ярко освещала его волосы, причесанные на косо́й пробор. Большая рука лежала на учебнике психологии. Крупная голова резко выделялась на фоне выцветшего шелка гардины, падавшей длинными складками из-под плюшевого

ламбрекена. Дени хотелось поглядеть на новое платье сестры, за которым послали в мастерскую мальчишку-лакея. «Наверно, такое же бесстыдное платье, как и все эти бальные наряды», — думал он, хмуро взглядываясь в детское личико сестры и не отвечая на ее улыбку. Не пройдет и часа, как она появится на пороге ярко освещенного салона, предоставляя всем и каждому любоваться ее шейкой, ее плечами, оголенной спиной и даже молодой, слишком высокой грудью. И ей не стыдно будет, что ее, такую вот полудетую, обнимает в танце первый подскочивший кавалер. Да нет, почему же «первый подскочивший»? Там ведь будет Робер Костадо... Скоро у них обручение, а потом они поженятся и будут жить вместе. Что ж, ее могли бы выдать и за кого-нибудь нелюбимого. В романах женщины почти никогда не любят своих мужей. Свадьба, конечно, еще неизвестно когда будет. Мамаша Робера ставит палки в колеса и распускает какие-то темные слухи о папиных делах, хотя у него лучшая в городе нотариальная контора. Ценнее и надежнее миллионного состояния. Но уж это такая женщина... такие вот, как она, всегда создают тяжелую атмосферу. А ведь если б имелись какие-нибудь основания тревожиться, разве могла бы мама так горячо обсуждать вопрос о прыщике, вскочившем на носу у Розетты, с левой стороны.

— Он еще больше стал! — ужасалась мадам Револю. — Это тебе урок! Сама виновата! Поменьше объедайся шоколадом и ешь лучше сырые овощи. (Мадам Револю всегда нужно было установить, кто и в чем виноват.) При такой коже, как у тебя, надо избегать всего, что может ее раздражать. И в кого, спрашивается, у тебя такая кожа? — задумчиво добавила она.

«Уж не в тебя, разумеется!» — думал Дени. Его возмущало, что мать, у которой кожа была шершавая, с широкими порами, осмеливается критиковать прозрачное личико Розетты, вспыхивающее от малейшего волнения.

Мадам Револю постоянно ополчалась на дочь и с безотчетным злорадством «резала ей правду прямо в глаза». Раздражение ее быстро переходило в негодование, а затем в неистовую ярость. Не жалея сил, она с беспощадной жестокостью терзала дочь.

— Ах, Роза! До чего ж ты нынче дурна! Бедняжка! Просидишь весь вечер у стенки, никто тебя и не приглашит. Скажи спасибо, что у тебя родители — люди известные, а то бы... Ну вот, теперь ревет в три ручья! Еще этого не хватало! Ведь у тебя глаза распухнут и нос будет как картошка. Перестань сейчас же! Поди умойся холодной водой.

Роза, рыдая, вышла из комнаты, а Дени крикнул ей вслед:

— Не расстраивайся, все равно будешь на балу самая хорошенькая.

Мадам Револю возмущенно заявила, что все говорилось ею для пользы «девочки».

«Странное дело, — думал Дени, — почему она Жюльена и меня любит больше, чем Розу? Жюльен — просто дубина, а я...»

— Бедняга ты, Дени, — прошептал он, потирая щеку, покрытую нежным пушком.

* * *

Лакей Луи Ларп доложил, что пришел старший клерк мсье Ланден и желает видеть мадам Револю. Лицо ее приняло удивленное и негодующее выраже-

ние. Это в десятом-то часу вечера? С ума он сошел, что ли? И разве Ланден не знает, что она никогда не вмешивается в дела мужниной конторы? Завтра к вечеру муж вернется из Леоньяна. А если Ландену надо что-нибудь срочно сообщить ему, пусть съездит в Леоньян (имение находилось километрах в десяти от города).

Дени настороженно следил за матерью. Неужели позднее появление Ландена не заронило в ее душу ни малейшего беспокойства? Бросив на стол учебник психологии, он поспешил вслед за лакеем в переднюю. словно тощая собачонка, проскользнул он в приоткрытую дверь, почуяв «ветер судьбы», как говорил лучший его друг Пьер Костадо, младший брат Робера, жениха Розы.

Ланден стоял в передней, расставив ноги и держа в руке мокрый от дождя котелок. Пальто он уже снял. На нем были кургузый, слишком облегающий фигуру пиджачок и старые брюки в серую и черную полоску. Густая черная борода начиналась чуть ли не от самых глаз, но все же не скрывала дряблости обвислых щек. Оскар Револю, смеясь, уверял, что покатою линией плеч их клерк поспорит с самой императрицей Евгенией; младшее же поколение семейства Револю высмеивало его брюшко, а еще больше его блестящий и шишковатый лысый череп, похожий на старую начищенную кастрюльку, всю во вмятинах и буграх. В глазах этих юнцов Ланден был самым противным на свете созданием; недаром их отец, всегда очень вежливый с подчиненными, в обращении с Ланденом позволял себе ужасные и ничем не оправданные грубости, словно хотел посмотреть, сколько оскорблений тот способен вытерпеть, или как будто мстил ему за что-то. Но если кто-либо говорил: «В конторе все держится на Ландене», — никто из семейства

Револю и не думал возражать, да никто и не поверил бы их возражениям. Все в городе знали, что самая важная работа лежала на плечах Ландена. Сколько раз дети нотариуса слышали, как отец скучающим тоном говорил: «Спросите у Ландена... Обратитесь к Ландену... Ланден должен знать, где лежит папка с этим делом...» О Ландене им было известно лишь то, что он — сын университетского швейцара, служившего при литературном факультете, однокашник их отца — вместе с ним учился в лицее; живет одиноко — при нем только сестра, старая дева, которую он не познакомил с семейством своего патрона, считая ее недостойной такой чести. Никто из Револю ни разу не бывал в доме старшего клерка. Сам нотариус говорил: «У Ландена нет личной жизни», — и считал это вполне естественным.

Самые необыкновенные чувства перестают удивлять, когда становятся привычными. Перед глазами домочадцев нотариуса свершалось чудо любви, но что это за чудо, если оно длится всю жизнь? Может быть, и резкость Оскара Револю с Ланденом объяснялась тем раздражением, какое испытывает каждый человек, чувствуя, что на него обращена какая-то необычайная, чрезмерная и необъяснимая страстная привязанность, к тому же очень выгодная для него. Откровенное презрение нотариуса к своему старшему клерку, презрение, причины которого оставались для всего семейства Револю тайной, началось, должно быть, еще много лет назад, в лицее, когда сын швейцара был смиренным рабом богатого господина.

— Если дело очень срочное, можно завтра утром на трамвае съездить, — сказал лакей насмешливым тоном, каким даже слуги разговаривали с Ланденом. — А только господин не очень-то любит, чтоб его беспокоили

в Леоньяне. — И, не удержавшись, лакей добавил: — Ох, и нагорит вам, мсье Ланден! Жалко мне вас.

— А мадам Револю никак нельзя увидеть? Хотя на минутку. Нет? Ну, раз нельзя, что ж делать!..

Видимо, Ланден почувствовал облегчение при мысли, что встреча с хозяйкой дома не состоится, и притом не по его вине. Лакей не заметил того, что сразу бросилось в глаза Дени: шишковатая лысина, отражавшая свет лампы, и венчик жиденьких шелковистых волос, которые Оскар Револю всегда сравнивал со шкуркой дохлой мыши, взмокли от пота. Волосы Ланден красил, пот стекал с них темными каплями и, скатываясь по одутловатым щекам, оставлял коричневые подтеки. Ланден бормотал, словно разговаривая сам с собой:

— Надо поскорее найти извозчика или такси... А где их разыщешь в такой час?.. Тем более что всех разобрали из-за этого бала у Фреди-Дюпонов... Если я зачем-либо понадобится, скажите, что я поехал в Леоньян...

Только тут он заметил Дени и пристально посмотрел на него. Взгляд Ландена, казалось, обладал материальной, физической тяжестью: устремив глаза на собеседника, он с трудом отводил их в сторону. В тот вечер он дерзнул положить на голову Дени свою жирную влажную руку, служившую пугалом в семействе Револю, — когда дети грызли ногти, их пугали: «Перестань сейчас же, а не то будут такие руки, как у Ландена!» Дени брезгливо отшатнулся.

— Не надо, мсье Ланден!

Но и взгляд, и рука по-прежнему свинцовой тяжестью давили на его голову: грузная рука как будто окаменела, а взгляд бледно-голубых глаз, вечно подернутых слезой, выражал какое-то непередаваемое чувство. Не жалость ли была в нем? И вдруг Ланден сказал:

— Ступайте к маме, Дени... Будьте с ней ласковы... Скажите ей... Нет, нет... ничего не говорите...

Он круто повернулся и бросился вон. Ошеломленный мальчик слышал, как Ланден стремглав сбежал по лестнице. Дени присел на резной сундук. Шипел газ, горевший в старинном фонаре. Вокруг были такие знакомые, такие привычные вещи: испанские зеркала, полинезийское оружие, привезенное «с островов» еще двоюродным дедом Оскара Револю, картины на шелку, старинные гравюры и прочие украшения, висевшие тут на стенах «испокон веков», по мнению Дени. Через переднюю пробежал в комнату мадам Револю запыхавшийся мальчик-лакей с большой картонкой под мышкой. Он подмигнул Дени:

— Платье привез.

Дени направился вслед за ним и торопливым шепотом сказал матери, искоса глядя, как Роза развязывает картонку.

— Ланден побежал искать извозчика или такси. Едет в Леоньян.

— Скатертью дорога!

Дени знал, что такие слова отнюдь не соответствуют тревоге, томившей его мать в эту минуту. Она смотрела на Розу, уже успевшую надеть платье.

— Повернись, дай поглядеть. Ну вот, теперь складки ровно лежат... Повернись еще... Хорошо. Ты расстrepалась. Поправь волосы.

— Звонок. Кто-то пришел, — сказал вдруг Дени. Слух у него был тонкий, и только он один услышал из комнаты матери звонок у входной двери.

Мадам Револю удивленно воскликнула:

— Да кто это может прийти в такой час?

Позднее и брат и сестра, верно, вспоминали, что уже в ту минуту голос матери дрогнул, изменился до неузнаваемости. Дени выбежал в прихожую, и как раз в это время лакей Луи Ларп отпер дверь. Вошла Леони Костадо. В каракулевом жакете она казалась особенно толстой, огромной. Дыхание со свистом вырывалось у нее из груди. Хотя она была очень близка с семьей Револю, но впервые заглянула к ним так поздно. Леони Костадо, мать Робера и Пьера... У Дени мелькнула мысль, что она приехала для официального сватовства.

«Леони привередничает, — говорил Оскар Револю, — а решится — подавай ей свадьбу через две недели, не позднее. Я ее знаю».

Леони Костадо спросила у Дени:

— Мама у себя? — и, пройдя через коридор, не постучавшись, отворила дверь.

Мадам Револю уже была в меховой пелерине, накинутой на бальное платье, и в последний раз проводила пуховкой по носику Розетты.

— Ты едешь на бал, душечка?

Роза, улыбаясь, подставила щечку матери Робера. Она тоже подумала: «Приехала говорить о свадьбе». Однако Дени заметил, что на щеке у матери показалось темно-желтое пятно, всегда выступавшее, когда она бледнела от сильного волнения, — словно предвестник несчастья. Она залепетала:

— Ах, какой сюрприз! Какими судьбами?..

— Мне надо поговорить с тобой... Только наедине. Можно?

Дени заметил, как заблестели у Розы глаза, но он-то уже знал, что разговор пойдет не о свадьбе. Бедняжка Розетта! Теперь уж никогда не зайдет речь о свадьбе, —

по крайней мере, о свадьбе с Робером Костадо... Роза увела брата в свою комнату, сообщавшуюся со спальней матери.

Роза села на кровать. Дени стоял спиной к ней, но видел ее в зеркале, висевшем над камином. Хрупкие, худенькие плечи выступали из глубокого выреза, окаймленного широкой тюлевой оборкой с мелкими блестками. Она сидела нагнувшись, и вырез корсажа приоткрывал ее маленькие девичьи груди. Надежда зажгла ее щеки ярким румянцем. И в том же зеркале Дени увидел, как сразу переменялась она в лице, когда слышались первые раскаты зычного контральто Леони Костадо, которая всегда кричала, как будто разговаривала с глухими, вынуждая и собеседника повышать голос. Но именно оттого, что она кричала слишком громко, Дени и Роза разбирали не все, что она говорила, однако улавливали достаточно, чтобы понять причину ее появления.

— Послушай, Люсьенна, оставим всякие любезности, сейчас не до них. Момент слишком серьезный. Тебе известно, где сейчас Оскар?

Дени и Роза с трудом узнали раздавшийся в ответ голос матери — таким он стал детским, робким, искательным. Конечно, ей известно, где Оскар, — в Леоньяне.

— Ну, если он все еще там, то можешь быть уверена — не по своей воле.

Послышалось невнятное, тихое бормотанье. Леони Костадо прервала его:

— Да что ты притворяешься! Ты прекрасно понимаешь меня.

Ведь это уже стало басней всего города. Три дня люди только об этом и говорят. Уж кому-кому, а жене следовало бы знать, что происходит.

И Леони Костадо продолжала свои обличения, лишь немного понизив голос. Дети слышали, как мать простонала: «По какому праву?..» И тут мадам Костадо заговорила о деньгах. Четыреста тысяч франков, принадлежащих семейству Костадо, отданы Оскару Револю, пообещавшему «пустить их в оборот».

— Что он говорил, помнишь? Они у нас раз сто обернутся! Еще неизвестно, как пойдут дела у домовладельцев. И самое, мол, лучшее помещение капитала — давать деньги в ссуду под залог земли. Пусть у вас эти денежки будут про черный день. Чей, спрашивается, черный день? Чей?..

Но тут Дени отвлекли рыдания сестры; ее тоненькая фигурка как подкошенная упала на постель. Дени видел ее в зеркале, но не посмел обернуться. Он все пятился, пятился от зеркала и, наткнувшись на кровать, сел около Розы. Не решаясь обнять ее за обнаженные плечи, он только ласково бормотал:

— Не плачь. Ничего еще не потеряно. Я уверен, что Робер никогда от тебя не откажется. Мне Пьер в прошлый четверг так сказал... А ведь Пьер ему родной брат, он знает. — И Дени все говорил утешительные слова, которым сам не верил.

Характер Леони Костадо был всем известен: она командовала своими сыновьями, особенно Робером. За своим любимцем, старшим сыном, носившим прозвище «красавчик Гастон», она еще признавала некоторые права, подобающие главе семьи: ей льстила его красота, его любовницы, его успехи на скачках... Но ведь любил-то Розетту не Гастон, а слабовольный Робер, которым мать вертит как хочет. В час неожиданного крушения, когда рушилось богатство, положение семейства Револю и, быть может, даже их честное имя,

у Дени была только одна мысль: теперь Роза не выйдет за Робера Костадо. Лишь эта мысль, ясная и четкая, упрямо вставала из груды обломков. Дени не осмеливался смотреть в лицо очевидности и постарался отогнать эту мысль, схоронить поглубже, решив вернуться к ней позднее. И тогда снова стало возможно прислушаться к тому, что кричали за дверью.

— Где доказательства? У тебя нет доказательств, Леони. Все это сплетни, а ты им веришь. Чуть дело коснется твоих сыновей, ты сразу теряешь голову... Ну что? Что ты молчишь? Видишь, тебе самой неловко. Ты не знаешь, что сказать...

— Да просто мне жаль тебя, — спокойно прервала свою жертву Леони Костадо.

Она решила без лишних церемоний высказать все, чтобы спасти наследство сыновей. И тут она разошлась. Розе и Дени чудилось, что на чье-то бесчувственное тело сыплются градом глухие удары. Их мать молчала, как мертвая. Роза стиснула брату руку. Она уже не плакала, только шептала: «Бедная мама... бедная мама... Надо пойти туда». Но оба не в силах были двинуться с места.

— Мне очень тяжело причинять тебе боль, но я должна подумать о своих мальчиках... Да и все равно придется же тебе узнать... Часом позже, часом раньше, но все равно ты узнаешь... Регина Лорати все выболтала моему сыну Гастону... Да, да, Лорати, та самая танцовщица из оперного театра. Ну что ты так смотришь на меня? Как будто удивляешься — при чем тут Регина Лорати. Люсьенна, душенька моя, бедная ты моя, неужели ты будешь меня уверять, что ничего не знала?.. Ну не надо разыгрывать комедию. Я, конечно, тебя понимаю и готова извинить, бедный дружок мой... Но ты ведь